

Диана Фурсова

Развод с драконом

Учительница
для проклятых наследников

Диана Фурсова

**Развод с драконом. Учительница
для проклятых наследников**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Развод с драконом. Учительница для проклятых наследников /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Меня развели с драконом перед всем Советом. Семь лет брака вычеркнули одной печатью. Моё имя стёрли из рода, место рядом с мужем заняла новая невеста, а мне объявили: без дара, без наследника, без пользы. Я думала, меня просто выгонят. Но Совет решил иначе. Теперь я — учительница закрытого класса в Северной Академии драконьих наследников. Пятеро детей, которых собственные семьи называют опасными. Их боятся наставники, слуги и даже взрослые драконы. Их не учат — их держат под замком до испытания, после которого у них могут отнять будущее. А ректор этой Академии — мой бывший муж. Он требует не вмешиваться. Совет ждёт моего провала. Его новая невеста улыбается так, будто уже знает, чем всё закончится. Но они ошиблись. Я не драконица. У меня нет дара. Зато я знаю, каково это — когда тебя считают ненужной. И я не позволю сделать это с детьми.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод под драконьей печатью	5
Глава 2. Класс, куда не входят без страха	16
Глава 3. Ректор, который сделал вид, что не узнал	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. Развод под драконьей печатью

В день, когда лорд Ардан Рейвард велел жене явиться в Зал Драконьего Совета, Элиана ещё наивно решила, что он наконец-то выбрал разговор вместо молчания.

Она стояла перед высокими створками из чёрного северного дуба и старалась не показывать стражам, как холодеют пальцы в тонких перчатках. Дворец рода Рейвард умел давить даже тогда, когда в нём не звучало ни одного грубого слова. Здесь всё было рассчитано на то, чтобы человек помнил своё место: острые своды под потолком, каменные драконы на колоннах, серебряные чаши с синим огнём, гербы старших родов на стенах. Элиана прожила в этом доме семь лет, но так и не научилась чувствовать себя его частью.

За дверями уже слышались голоса. Не спор, нет. В Совете не спорили так, как спорят живые люди. Там взвешивали судьбы, будто отмеряли холодное золото на чашах весов. Ровно, учтиво, без единой лишней эмоции.

Элиана поправила рукав тёмно-синего платья. Это платье Ардан когда-то назвал её самым красивым. Давно. Так давно, что воспоминание казалось принадлежавшим не ей, а какой-то другой женщине, у которой ещё были причины улыбаться мужу за ужином и ждать его шагов в коридоре.

Сегодня он прислал за ней младшего распорядителя и короткую записку:

«Явитесь в Зал Совета к полудню. Это касается нашего брака».

Ни обращения. Ни объяснения. Ни подписи, кроме родовой печати.

Элиана всю дорогу до зала перебирала возможные причины. Может быть, Совет снова требовал отчёта о наследнике. Может быть, Ардан решил наконец поговорить о том, почему последние месяцы возвращался в её покои лишь затем, чтобы убедиться, что она всё ещё там. Может быть, нашлась возможность уехать из столицы в северное имение, где они когда-то были почти счастливы.

Почти.

Это слово давно стало для неё самым жестоким.

Двери раскрылись без скрипа, словно дворец заранее не хотел упустить ни одного её шага к приговору.

Элиана вошла.

Зал Совета встретил её тишиной, которую можно было принять за уважение, если не знать этих людей. В полукруге за длинным столом сидели старшие драконы лорды и леди. Их одежды отливали серебром, пепельным золотом и густым бордовым шёлком. Над каждым креслом горел маленький знак рода: крыло, коготь, пламя, ледяная звезда, корона из чешуи.

Ардан стоял у возвышения.

Она сразу увидела его, как всегда видела даже в толпе. Высокий, неподвижный, безупречно собранный. Чёрные волосы были убраны назад, суровое лицо казалось выточенным из камня, а в тёмно-серых глазах не осталось ничего от того мужчины, который семь лет назад сам надел ей на палец кольцо с драконьей печатью. Сегодня перед ней был не муж. Перед ней был глава рода Рейвард, один из сильнейших драконов северных земель, человек, привыкший отдавать приказы так, что их исполняли раньше, чем успевали испугаться.

Рядом с ним стояла женщина.

Элиана не сразу позволила себе посмотреть на неё по-настоящему. Сперва взгляд зацепился за белое платье, расшитое тонкими золотыми нитями. Потом за светлые волосы, уложенные так искусно, будто каждая прядь знала своё место лучше, чем Элиана знала своё в этом доме. Потом за украшение на шее — маленький дракон из янтаря с раскрытыми крыльями.

Дар помолвленной невесты.

На мгновение воздух в груди стал слишком плотным. Элиана заставила себя сделать ещё один шаг, потом другой. Не перед ними. Только не перед ними.

— Леди Рейвард, — произнёс старший советник Вальтор, и его голос прокатился по залу, как плита, опущенная на камень. — Подойдите.

Она подошла к отмеченному кругу на полу. Когда-то в этом круге приносили клятвы. Когда-то в нём Ардан держал её за руку, и его ладонь была горячей, живой, настоящей. Тогда синие языки огня над чашами взлетели к своду, признавая их союз. Тогда весь зал склонил головы.

Сегодня никто не склонился.

Элиана остановилась и посмотрела на мужа.

— Ардан? — сказала она негромко.

Он не ответил сразу. Только едва заметно сжал челюсть. Этот жест знала лишь она. Для других он оставался холодным и спокойным. Для неё на одно короткое мгновение под каменной маской мелькнуло что-то живое. Не сожаление. Не нежность. Скорее боль, которую он сам же и запер.

А потом он произнёс:

— Совет собрался для завершения нашего брачного договора.

Не расторжения. Не обсуждения. Завершения.

Элиана почувствовала, как мир сузился до одного слова, в котором не осталось ни их прошлых зим, ни долгих писем, ни первого признания, ни ночей, когда он возвращался с границы и засыпал, положив голову ей на колени. Всё это было легко перечёркнуто правильной формулировкой.

Женщина рядом с ним опустила ресницы. Не из смущения. Элиана слишком хорошо знала эту отрешённую мягкость. Так смотрят невесты, которых уже признали победительницами, но которые ещё должны выглядеть невинно.

— Я не получала уведомления о слушании, — сказала Элиана, и сама удивилась ровности своего голоса.

— Уведомление не требуется, если прошение подано главой рода и подтверждено печатью крови, — ответил Вальтор. — Лорд Рейвард воспользовался правом старшей линии.

Печать крови.

Значит, Ардан не просто попросил. Он засвидетельствовал волю дракона. Против такого не спорили обычные жёны, даже если семь лет носили родовое имя.

Элиана снова посмотрела на него. Ей хотелось спросить, когда он решил. В какой день. В тот вечер, когда не пришёл к ужину? В утро, когда молча отстранил её руку от своего плеча? Или задолго до этого, пока она всё ещё ждала, что холод между ними можно растопить терпением?

Но в зале Совета личные вопросы были слабостью. А слабость здесь ели с тем же достоинством, с каким подавали вино на родовых приёмах.

— Назовите причину, — сказала она.

Несколько советников переглянулись. Кто-то из младших лордов тихо усмехнулся, но звук тут же утонул в тяжёлой тишине.

Ардан шагнул вперёд.

— Брак не принёс роду Рейвард наследника, — произнёс он. — Союз не усилил дом магически, политически или кровно. Леди Элиана не обладает драконьим даром, не может участвовать в родовых обрядах, не принята северным крылом и не имеет поддержки старших линий.

Каждое слово падало точно. Без дрожи. Без срыва.

Элиана слушала и понимала, что всё это он продумал заранее. Может быть, даже выучил, чтобы не сбиться. Она знала его голос в бою, в гневе, в усталости, в редкой нежности. Сегодня он говорил так, будто зачитывал распоряжение о закрытии пустого крыла дворца.

— И поэтому меня вычёркивают? — спросила она.

Ардан молчал слишком долго.

За него ответил Вальтор:

— Не вычёркивают, леди. Освобождают от обязательств перед родом.

Элиана почти улыбнулась. Почти. Как изысканно они умели оборачивать нож шёлком.

— Освобождают, — повторила она. — От имени, дома, положения и брака?

— От союза, который более не служит высшим интересам драконьего рода, — поправил советник.

Невеста Ардана подняла глаза.

— Прощу простить меня, леди Элиана, — сказала она мягко. — Мне жаль, что наше знакомство происходит при таких обстоятельствах.

Элиана наконец посмотрела на неё прямо.

Молодая, сияющая, безупречная. Таких женщин Советы любили: в них не было неудобной памяти, старых обид, следов прожитой боли. Их можно было представить залу как начало нового будущего. Их можно было поставить рядом с драконом и сказать: вот теперь всё будет правильно.

— Вы уже знаете моё имя, — сказала Элиана. — А я вашего ещё не слышала.

На лице невесты мелькнула тень. Едва заметная, но Элиана увидела. Она за семь лет научилась замечать всё, что в этом доме прятали за вежливостью.

— Леди Селеста Вейлор, — представил её Вальтор. — Дочь западного крыла, наследница чистой огненной линии, одобренная Советом как будущая супруга главы рода Рейвард.

Будущая супруга.

Значит, всё уже решено. Не сегодня. Не этим утром. Может быть, не одну неделю назад. Пока Элиана сидела за завтраками напротив пустого кресла мужа, в этих стенах уже обсуждали другую женщину.

Селеста сделала шаг вперёд, и золотые нити на её платье вспыхнули в свете чаш.

— Я не желала причинить вам боль, — произнесла она. — Но долг перед родами выше личного.

Элиана услышала это и вдруг вспомнила, как когда-то сама верила в долг. Как старалась стать нужной. Как училась читать родовые хроники, принимать гостей, разбираться в строгих северных обрядах, запоминать имена дальних родственников Ардана, которые смотрели на неё так, будто она заняла чужое место. Она семь лет жила под чужими взглядами и всё равно каждое утро выбирала оставаться, потому что любила мужа и думала, что однажды этого окажется достаточно.

Оказалось, любовь не числилась среди высших интересов рода.

— Леди Элиана, — сказал Вальтор, — Совет признаёт: вы исполняли обязанности супруги без открытого нарушения клятв. Поэтому вам будет оставлено личное имущество, привезённое в дом Рейвард до заключения брака, а также ежегодное содержание в размере, определённом брачным соглашением.

Содержание.

Вот чем закончились семь лет. Не домом. Не уважением. Не хотя бы честным разговором. Содержанием, чтобы вычеркнутая жена не слишком громко падала в глазах общества.

— Щедро, — произнесла Элиана.

Вальтор нахмурился.

— Совет проявляет милость.

— Нет, — сказала она. — Совет проявляет осторожность. Милость здесь давно не живёт.

По залу прошёл тихий шелест. Кто-то возмущённо вдохнул, кто-то подался вперёд. Ардан резко поднял глаза, и в них на миг вспыхнула драконья тьма. Не угроза. Предупреждение.

Остановись.

Элиана поняла его без слов и впервые за долгое время не подчинилась.

— Вы слишком взволнованы, леди, — сказал один из старших лордов. — Это естественно для женщины в вашем положении.

Она повернула голову к нему.

— В моём положении естественно знать, за что меня судят, если уж мне не дали возможности защититься.

— Вас не судят, — сухо произнёс Вальтор.

— Тогда почему я стою в круге клятв, а вы читаете мне приговор?

На этот раз тишина стала иной. Не надменной, а настороженной.

Селеста чуть наклонила голову, и её светлая улыбка стала тоньше.

— Не стоит превращать достойное расставание в сцену, леди Элиана. Вы ведь всё равно ничего не измените.

Вот оно.

Первое настоящее слово без шелка. Не для Совета, для неё одной. Селеста не удержалась. Победители часто не удерживаются, когда уверены, что проигравший уже стоит на коленях.

Элиана выпрямилась.

— Я не собираюсь ничего менять, леди Вейлор. Брак, который можно расторгнуть без единого разговора с женой, не стоит того, чтобы за него умолять.

Ардан дрогнул. Совсем немного, но она увидела. Его пальцы сомкнулись на навершии церемониального жезла так крепко, что серебро под ладонью потемнело от жара.

— Элиана, — впервые за всё слушание произнёс он её имя.

От этого имени в его голосе стало больше, чем от всех обвинений.

Она повернулась к нему.

— Что? — спросила тихо. — Теперь мне нельзя говорить?

Он сделал вдох, но вместо ответа отвёл взгляд к Совету.

И этим сказал всё.

Элиана почувствовала, как внутри что-то окончательно перестало ждать. Не умерло с криком, не разбилось, не сторело. Просто замолчало. Та часть её, которая семь лет оправдывала его холод усталостью, долгом, угрозами на границе, тяжестью власти, наконец поняла: можно любить человека и всё равно не позволить ему уничтожить тебя его молчанием.

Вальтор поднял руку, и над столом Совета раскрылась родовая книга. Огромный фолиант завис в воздухе, страницы сами перевернулись, пока не остановились на брачной записи. Там были их имена, сплетённые синим пламенем.

Ардан Рейвард.

Элиана Рейвард.

Ниже — дата, печати, клятва.

Элиана смотрела на сияющие буквы и вдруг ясно вспомнила тот день. Она была слишком молодой, слишком счастливой и слишком уверенной, что если дракон сам выбрал женщину без дара, значит, выбрал не ради выгоды. Ардан тогда смотрел на неё так, будто весь зал исчез, будто для него существовала только она. После клятвы он наклонился к её виску и прошептал: «Теперь никто не посмеет отнять тебя у меня».

Никто, кроме него самого.

— Лорд Ардан Рейвард, — произнёс Вальтор, — подтверждаете ли вы волю расторгнуть брачный союз с леди Элианой Рейвард?

Ардан посмотрел на книгу. Потом на неё.

Элиана не отвела глаз. Она не собиралась помогать ему. Не собиралась смягчать этот миг, прощать заранее, понимать без объяснений. Пусть скажет. Пусть именно его голосом их прошлое будет разрезано перед всеми.

— Подтверждаю, — сказал он.

Синие буквы дрогнули.

В груди Элианы отозвался резкий холод, будто печать брака потянула из неё последние семь лет и оставила пустое место. Она не пошатнулась. Только сильнее сжала пальцы, чувствуя, как ткань перчаток натягивается на костяшках.

— Леди Элиана Рейвард, — продолжил Вальтор, — принимаете ли вы расторжение союза?

Она могла отказаться. Формально могла. Тогда Совет всё равно продавил бы решение через право старшей линии, но процедура затянулась бы. Её имя ещё несколько дней или недель висело бы рядом с его именем в родовой книге, как сорванный лоскут на двери.

Нет. Она не даст им удовольствия выносить её унижение по частям.

— Принимаю, — сказала Элиана.

Буквы с её именем вспыхнули. На мгновение ей показалось, что синий огонь сорвётся со страницы и коснётся её ладони, но пламя лишь обвило строчку, где стояло слово «Рейвард», и стерло его. Не имя. Только род. Теперь она снова была просто Элиана Верн.

Девушка из малого дома, которую великий дракон когда-то поднял до себя, а теперь опустил на глазах у всех ниже, чем она стояла до брака.

Селеста едва заметно выдохнула. У неё было лицо женщины, получившей то, за чем пришла.

Вальтор опустил руку.

— Союз расторгнут. Леди Элиана Верн освобождена от обязательств перед домом Рейвард. Её покои будут опечатаны до вечера, личные вещи переданы сопровождающим. Завтра на рассвете она покинет дворец.

Опечатаны.

Не собрать свои платья. Не пройти по комнатам, где она прожила семь лет. Не забрать письма из шкапулки у окна. Не проститься даже с садом, который сама велела разбить в пустом внутреннем дворе, чтобы зимой там цвели белые северные розы.

Семь лет в доме, и всё, что ей оставили, — до вечера.

— Перед завершением процедуры, — произнёс Вальтор, — леди Элиана имеет право на последнее слово, если желает им воспользоваться.

Последнее слово.

Советники ожидали слёз. Или благородной благодарности. Или хотя бы просьбы сохранить какую-нибудь мелкую привилегию, чтобы потом рассказывать в гостиных, как бывшая жена дракона не выдержала падения.

Элиана медленно обвела взглядом зал. Лица. Гербы. Синие огни. Селесту, сияющую в своём белом платье. Ардана, стоящего так неподвижно, будто если он не шевельнётся, то ничего из этого не станет настоящим.

Она думала, что будет больнее. Но боль уже достигла такого предела, за которым превращалась во что-то другое. В ясность.

— Я благодарю Совет за право сказать последнее слово, — начала она.

Кто-то удовлетворённо кивнул, решив, что она всё же выбрала покорность.

Элиана продолжила:

— Семь лет я носила имя Рейвард. Семь лет я слышала, что должна быть тише, достойнее, полезнее, благодарнее. Мне напоминали, что у меня нет дара дракона. Нет силы рода. Нет наследника, которого от меня ждали. Сегодня вы добавили к этому ещё одно: нет пользы.

Ардан сделал шаг, но остановился.

Она не смотрела только на него. Не хотела, чтобы Совет принял её слова за женскую обиду. Это было больше, чем обида.

— Возможно, вы правы. Я не умею превращаться в дракона, не могу зажечь родовую печать одним взглядом и не имею за спиной старшей линии, которая заставит всех молчать. Но за семь лет я хорошо изучила ваш дом. Я видела трещины, которые вы прикрываете гербами. Слышала имена, которые вы запрещаете произносить. Знала детей, которых прятали от гостей, потому что их сила казалась вам неудобной. И поняла одну простую вещь: драконьи дома рушатся не тогда, когда в них входит женщина без дара. Они рушатся тогда, когда тех, кто ещё может их спасти, выгоняют за ненадобностью.

Теперь в зале не шевелился никто.

Селеста побледнела, но быстро вернула себе улыбку. Ардан смотрел на Элиану так, будто только сейчас увидел не жену, которую можно отодвинуть от удара, а человека, стоящего напротив удара с поднятой головой.

— Осторожнее, леди Верн, — холодно сказал Вальтор. — Ваши слова могут быть истолкованы как угроза.

— Нет, советник. Это не угроза.

Элиана сняла с пальца кольцо. То самое, с драконьей печатью. Оно не хотело поддаваться, словно за семь летросло в кожу, но она всё же стянула его и положила на край родовой книги. Серебро глухо ударило о древнюю страницу.

— Это прощание.

Она повернулась к Ардану. На этот раз ей было легче смотреть на него, потому что в глазах уже не стояли слёзы.

— Когда ваш дом начнёт рушиться, не зовите ту, которую сами выгнали.

Синие чаши вспыхнули все разом.

Не высоко, не бурно — коротко, как будто само пламя отозвалось на клятву, которой не было в обрядах. Советники переглянулись. Кто-то прошептал защитную формулу, но Элиана не стала слушать. Она развернулась и пошла к дверям.

Каждый шаг давался трудно. Не потому, что ноги слабели. Потому что за спиной оставалось всё, чему она когда-то принадлежала: имя, любовь, надежда, привычка ждать. Но она шла ровно, и в этой ровности было единственное, что Совет не сумел у неё отнять.

Двери распахнулись перед ней.

В коридоре было прохладнее. Каменные стены молчали, но здесь хотя бы не было десятков взглядов. Элиана остановилась у окна, выходящего во внутренний двор. Там, за стеклом, белые розы стояли под тонким слоем инея. Их никто не должен был любить, эти упрямые зимние цветы. Они цвели вопреки северному ветру, вопреки тени высоких стен, вопреки всем садовникам, которые говорили, что в таком дворе ничего живого не приживётся.

Элиана сама выбрала их.

Она протянула руку к стеклу, но не коснулась. Уже не её двор. Не её розы. Не её дом.

За спиной послышались шаги.

Она не обернулась сразу. Слишком хорошо знала этот шаг: уверенный, тяжёлый, сдержанный, будто даже камень должен был подчиниться его воле.

— Ты не должна была говорить это при Совете, — сказал Ардан.

Вот и всё. Не «прости». Не «я должен объяснить». Не «мне больно». Только очередное «не должна».

Элиана медленно повернулась.

Вблизи он выглядел почти таким же, как раньше, и от этого было хуже. Та же складка между бровями, когда он сдерживал гнев. Та же тень усталости у глаз. Та же сила, которую невозможно было не чувствовать рядом с ним, как жар от закрытой двери, за которой пылает огонь.

— Правда редко нравится Советам, — ответила она.

— Это не игра.

— Я заметила. В играх хотя бы объясняют правила до того, как выбрасывают игрока с доски.

Ардан шагнул ближе, но между ними всё равно оставалось расстояние. Раньше он мог преодолеть его одним движением. Взять её за руку, коснуться плеча, наклониться так, чтобы она слышала только его. Теперь это расстояние было больше любого зала.

— Элиана...

Она подняла ладонь.

— Не надо. В зале ты уже сказал всё необходимое.

— Не всё.

В его голосе впервые прорезалось что-то неровное. Она почувствовала это почти кожей и тут же возненавидела себя за то, что сердце отозвалось. Нельзя было. Не после родовой книги. Не после Селесты. Не после того, как он стоял рядом с другой женщиной и подтверждал развод так спокойно, будто подписывал обычное распоряжение.

— Тогда скажи сейчас, — произнесла она. — Без Совета. Без свидетелей. Без родовых формул. Скажи, почему.

Ардан посмотрел на неё, и на миг ей показалось, что он действительно скажет. Что сейчас рухнет эта ледяная стена, которую он строил месяцами. Что он объяснит, зачем унизил её публично, зачем привёл Селесту, зачем отнял имя.

Но драконьи лорды были мастерами молчания. Иногда их молчание убивало точнее огня.

— Так было необходимо, — сказал он.

Элиана тихо рассмеялась. Не весело. Горько, почти беззвучно.

— Как удобно. Самые жестокие вещи всегда оказываются необходимыми, если произносить это достаточно твёрдым голосом.

— Ты не понимаешь, во что вмешалась.

— Я ни во что не вмешивалась. Меня вызвали в зал и развели с мужем.

— Совет не простит твоих слов.

— Совет уже забрал у меня всё, что мог забрать за один день. Чем ещё он меня напугает?

Ардан резко посмотрел в сторону дверей, словно боялся, что их услышат. Это движение насторожило её сильнее любого ответа.

— Ты должна уехать из столицы, — сказал он. — Чем скорее, тем лучше.

— Должна? — Элиана медленно кивнула. — Как бывшая жена я больше не обязана исполнять приказы главы рода Рейвард.

Он сжал пальцы.

— Элиана, ради всего, что между нами было...

— Не трогай это, — сказала она тихо.

Он замолчал.

Впервые за долгие месяцы она увидела, что её слова задели его. Не ранили смертельно, нет. Таких, как Ардан, нельзя было ранить одним словом. Но где-то под бронёй что-то дрогнуло. И от этого не стало легче.

В конце коридора появились двое стражей Совета. Они шли быстро, и у одного в руках был свиток, перевязанный серебряной нитью. Элиана сразу поняла: это ещё не конец. Слишком много было в сегодняшнем дне аккуратности. Слишком мало случайности.

Стражи остановились в нескольких шагах и поклонились Ардану.

— Лорд Рейвард. Леди Верн. Совет просит вернуться для объявления дополнительного распоряжения.

— Какого распоряжения? — спросил Ардан раньше, чем Элиана успела открыть рот.

Страж опустил глаза.

— Оно касается леди Верн.

Ардан изменился мгновенно. Не внешне — нет, лицо осталось почти непроницаемым. Но воздух вокруг него стал плотнее, тяжелее, горячее. Дракон под человеческой кожей поднял голову.

— Совет завершил процедуру развода, — произнёс он. — Никаких дополнительных решений без моего присутствия быть не может.

— Именно поэтому вас и просят вернуться, милорд.

Элиана посмотрела на свиток. Серебряная нить на нём была не синей, как у рода Рейвард, и не золотой, как у брачных документов. Чёрная печать на конце напоминала крыло, рассечённое вертикальной линией.

Она видела такой знак лишь однажды — на двери старого закрытого экипажа, который прибыл во дворец поздней ночью три года назад. Тогда Ардан велел ей не выходить из покоев, а утром все слуги делали вид, что ничего не произошло. Только в дальнем крыле после той ночи сменили замки, а из родовой хроники исчезла одна страница.

— Что это? — спросила Элиана.

Ардан посмотрел на печать и побледнел так, как не бледнел даже в зале Совета.

— Северная Академия, — сказал он.

В его голосе было не удивление. Страх.

Элиана не успела спросить, почему один из сильнейших драконов королевства боится академической печати. Двери Зала Совета снова распахнулись, и Вальтор вышел на порог сам. Теперь он не выглядел торжествующим. Скорее раздражённым тем, что вынужден продолжать дело, которое предпочёл бы завершить одним красивым ударом.

— Леди Элиана Верн, — произнёс он, — решением Совета ваше отбытие из столицы откладывается.

Ардан шагнул вперёд.

— Нет.

Одно слово. Низкое, глухое, почти нечеловеческое.

Вальтор поднял брови.

— Вы забываетесь, лорд Рейвард.

— Я сказал: нет.

Элиана перевела взгляд с одного на другого. Ещё полчаса назад Ардан сам отдал её Совету. Теперь стоял между ней и тем же Советом так, будто готов был сжечь зал за одно лишнее слово.

Поздно, подумала она. Как же поздно.

— Что за распоряжение? — спросила она, не позволяя Ардану говорить за неё.

Вальтор развернул свиток.

— В связи с освобождением от обязательств перед родом Рейвард и отсутствием у леди Верн действующей родовой службы Совет назначает её на временную должность в Северной Академии драконьих наследников.

Элиана не сразу поняла смысл слов.

— На должность?

— Да.

— Я не принадлежу к преподавательскому кругу.

— Именно это обстоятельство было учтено.

Ардан тихо выругался на древнем драконьем языке. Элиана знала всего несколько слов, но даже их хватило, чтобы понять: ничего хорошего это распоряжение не сулило.

Вальтор продолжил:

— Леди Элиана Верн назначается учительницей закрытого класса наследников, находящихся под особым надзором Совета. Срок службы — до окончания зимнего испытательного цикла или до отдельного решения старших домов.

Закрытый класс.

Северная Академия.

Наследники под особым надзором.

В голове Элианы вспыхнули обрывки разговоров, которые при ней обрывали слишком резко. Дети, которых не показывали на праздниках. Наследники, у которых сила просыпалась неправильно. Драконы семьи, стиравшие имена из приглашений, но продолжавшие отправлять золото в закрытые фонды Академии. Она знала только слухи, потому что жёнам без дара такие вещи не объясняли.

Ардан знал больше. Это было видно по тому, как он смотрел на свиток.

— Вы не можете отправить её туда, — сказал он.

— Можем, — ответил Вальтор. — И уже отправили.

— Она не магистр. Не дракон. Не воин. У неё нет защиты рода.

— Как вы сами сообщили Совету, лорд Рейвард, у леди Верн нет дара, который мог бы представлять опасность для учеников. Нет наследственных обязательств, которые помешали бы ей служить. Нет детей, чьи интересы могли бы пострадать. И нет положения в вашем доме, которое давало бы вам право оспорить назначение.

Каждое слово било Ардана его же приговором.

Элиана вдруг поняла всю изощрённость решения. Они использовали всё, чем её унизили, чтобы сделать удобной фигурой. Без рода — значит, можно направить. Без дара — значит, не страшно потерять. Без мужа — значит, некому официально возражать. Без влияния — значит, никто не станет поднимать шум.

Селеста появилась в дверях зала и остановилась чуть позади Вальтора. На её лице было сочувствие, но глаза блестели слишком ярко.

— Как неожиданно, — сказала она. — Впрочем, леди Элиана всегда отличалась терпением. Возможно, именно это и нужно трудным детям.

Трудным.

Слово прозвучало почти ласково, но от него по спине Элианы прошёл холод. Таких детей не называли трудными. Их называли иначе, когда думали, что женщины без дара не слышат.

Опасные.

Проклятые.

Неудачные.

Ардан повернулся к Селесте так резко, что та отступила на полшага. Впервые её уверенная улыбка треснула.

— Молчите, — сказал он.

Советник Вальтор сухо кашлянул.

— Лорд Рейвард, ваше личное отношение к бывшей супруге больше не является предметом рассмотрения.

Бывшей супруге.

Это прозвучало окончательно. Элиана удивилась, что именно сейчас ей стало легче. Не потому, что боль ушла. Потому что ясность стала полной. Они все считали её предметом. Сначала брачного договора, потом развода, теперь назначения.

Но у предметов не бывает последнего слова. А она его уже сказала.

Элиана протянула руку.

— Дайте свиток.

Вальтор замер.

— Что?

- Распоряжение касается меня. Я хочу его прочитать.
- В этом нет необходимости. Оно уже объявлено.
- Тем более дайте.

Страж посмотрел на советника. Тот после короткой паузы кивнул.

Свиток оказался тяжёлым, пергамент — плотным и холодным. Элиана развернула его и прочла строки, написанные безупречным канцелярским почерком. Назначение. Срок. Место. Права и обязанности. Запрет на отказ без решения Совета. Обязательное прибытие в Академию до завтрашнего заката.

Внизу стояла печать северного крыла и подпись ректора.

Элиана посмотрела на неё.

Ардан Рейвард.

Воздух словно исчез.

Она подняла глаза на бывшего мужа.

— Ректор Академии, — сказала она медленно.

Он не ответил.

— Ты знал.

— Нет.

Слово прозвучало быстро. Слишком быстро.

— Ты знал, что назначение возможно.

Ардан молчал.

Этого хватило.

Внутри у Элианы снова поднялась боль, но теперь она была не прежней, не беспомощной. В ней появился острый край.

— Значит, меня не просто развели, — сказала она. — Меня освободили от рода, чтобы отправить туда, где я не смогу отказаться.

— Я пытался не допустить этого, — глухо произнёс Ардан.

— Когда? Между подтверждением развода и представлением новой невесты?

Он шагнул к ней, забыв о Совете, о Селесте, о стражах.

— Элиана, послушай меня. Закрытый класс — не место для тебя.

— А зал, где меня называют бесполезной, был местом для меня?

— Ты не понимаешь, что это за дети.

Она сжала свиток.

— Дети, которых боятся взрослые драконы?

Ардан замолчал, и это молчание подтвердило больше, чем любой ответ.

Элиана развернула свиток до конца. На обратной стороне, ниже официальных строк, была короткая приписка другим почерком. Неровным. Будто писавший торопился или боялся, что его заметят.

«Новая учительница должна прибыть одна. Не доверять никому из Совета. Первый урок начнётся раньше, чем она войдёт в класс».

Элиана перечитала фразу дважды.

— Кто это написал? — спросила она.

Ардан резко выхватил взглядом строки. Его лицо изменилось.

— Покажи.

Она не отдала свиток. Прижала его к себе.

— Нет. Теперь это касается меня.

— Элиана...

— Довольно. Сегодня ты уже решил за меня всё, что хотел.

Вальтор протянул руку.

— Приписка не имеет значения для официального распоряжения. Свиток будет передан сопровождающим.

Элиана отступила на шаг.

— Нет. Он останется у меня.

— Леди Верн, вы забываете своё положение.

Она посмотрела на него спокойно.

— Напротив. Сегодня мне очень подробно объяснили моё положение. Я больше не жена лорда Рейварда, не часть его дома и не украшение вашего зала. Я назначена Советом на должность, от которой не имею права отказаться. Значит, я имею право знать, куда меня отправляют.

Вальтор прищурился, но не нашёл, чем возразить сразу.

И в эту короткую паузу Элиана впервые за день почувствовала не только потерю. Почувствовала почву. Узкую, ненадёжную, но свою.

Если они хотели сломать её разводом, им следовало не давать ей работу, в которой она могла стать нужной.

— Я поеду, — сказала она.

Ардан резко поднял голову.

— Нет.

Элиана повернулась к нему.

— Ты больше не имеешь права запрещать.

— Я не запрещаю. Я предупреждаю.

— Тогда предупреждай честно. Что меня там ждёт?

Он посмотрел на Совет, на стражей, на Селесту. И снова выбрал молчание.

Элиана кивнула, будто именно такого ответа и ожидала.

— Значит, узнаю сама.

Селеста мягко улыбнулась.

— Как благородно. Надеюсь, вы справитесь хотя бы с этим назначением.

Элиана посмотрела на неё и впервые позволила себе ответить такой же улыбкой — спокойной, почти вежливой.

— Надеюсь, леди Вейлор. Вам это понадобится.

Улыбка Селесты застыла.

Элиана повернулась к выходу, всё ещё держа свиток. За окнами сгущались зимние сумерки, и белые розы в саду казались последним светлым пятном в доме, который больше не был её домом.

Она сделала несколько шагов, когда за спиной раздался голос Ардана:

— Я сам отвезу вас в Академию.

Она остановилась, но не обернулась.

— Нет, милорд ректор. Вы уже достаточно далеко меня проводили.

В коридоре наступила тишина. Такая глубокая, что Элиана услышала, как в чашах за дверями потрескивает синий огонь. Потом, уже у самых ступеней, ведущих из крыла Совета, она снова посмотрела на свиток и на странную приписку.

«Первый урок начнётся раньше, чем она войдёт в класс».

В этот миг где-то далеко, за стенами дворца, протяжно завыл дракон. Не победно и не яростно — тревожно, будто северное небо уже знало то, чего ей ещё не сказали.

А чёрная печать Академии на свитке вдруг нагрелась в её ладони, и из-под воска проступили новые слова:

«Если хотите выжить, леди Верн, не верьте ректору».

Глава 2. Класс, куда не входят без страха

К рассвету Элиана покинула дворец без прощаний.

Она не стала просить вернуть ей комнаты, не стала требовать шкатулку с письмами, не стала смотреть в сторону внутреннего сада, где под инеем оставались белые розы. Всё, что ей позволили забрать, уместилось в двух дорожных сундуках и небольшой кожаной сумке, которую старшая горничная вынесла к чёрному экипажу так осторожно, словно боялась, что вместе с вещами передаёт не ткань и книги, а остатки чужой жизни.

У ворот стояли стражи Совета. Не люди Ардана. Не слуги дома Рейвард. Чужие лица под одинаковыми серыми плащами, одинаковые перчатки на руках, одинаковое равнодушие в глазах. Они должны были сопроводить её до Северной Академии и убедиться, что назначение исполнено без задержек.

Элиана сразу поняла: это не сопровождение.

Это конвой, которому дали более учтивое имя.

Она поднялась в экипаж сама, не приняв руки стража. Вчера ещё нашёлся бы десяток людей, которые сочли бы своим долгом открыть перед ней дверцу, склонить голову, назвать леди Рейвард. Сегодня никто не спешил вспоминать, что семь лет она была хозяйкой этого дома. Видимо, родовые книги вычёркивали не только имена. Они умели вычёркивать память из лиц тех, кто слишком дорожил своим положением.

Когда колёса тронулись, Элиана всё же посмотрела в окно.

На верхней галерее стоял Ардан.

Он не сделал ни шага, не поднял руки, не велел остановить экипаж. Просто стоял в тени каменной арки, высокий, неподвижный, слишком похожий на одну из статуй своего рода. Только ветер трепал полы его чёрного плаща, и этот живой, почти беспомощный жест ткани почему-то ранил сильнее, чем его молчание в зале Совета.

Элиана отвернулась первой.

В сумке рядом с ней лежал свиток с чёрной печатью Академии. Ночью она раскрывала его трижды, но странные слова больше не проявлялись. Воск был холодным, гладким, без единого следа надписи. Если бы не память о том, как печать нагрелась в ладони, Элиана решила бы, что всё это ей показалось от усталости и унижения.

«Если хотите выжить, леди Верн, не верьте ректору».

Слишком поздний совет, подумала она. Она уже не верила.

Дорога на север заняла почти весь день. Столица осталась позади быстро, будто сама поспешила избавиться от женщины, которая вышла из дворца не вдовой и не женой, а чем-то куда менее удобным для светских разговоров. Брошенной. Вычеркнутой. Назначенной туда, куда не по собственной воле не отправляли никого из тех, кого ещё собирались беречь.

Пейзаж за окном постепенно менялся. Мягкие холмы сменились голыми каменными грядами, потом пошли сосновые леса, тёмные и густые, с ветвями, прогнувшимися под снегом. Чем дальше они ехали, тем меньше попадалось деревень и постоянных дворов. Дорога стала уже, снег — глубже, воздух — прозрачнее и злее. Здесь север уже не украшал гербы драконьих домов, а жил сам по себе: хлестал ветром по стёклам, скрипел под колёсами, засыпал следы почти сразу после того, как экипаж проезжал мимо.

Один из стражей несколько раз оборачивался с козел, будто проверял, не передумала ли она существовать.

Элиана сидела прямо, держа ладони на коленях, и старалась не думать о том, что ждёт впереди. Не потому, что боялась. Страх был, но за последние сутки он так перемешался с обидой, усталостью и злостью, что перестал быть главным. Её тревожило другое: все вокруг

знали о Северной Академии больше, чем она. Советник Вальтор знал. Селеста явно знала. Ардан знал больше всех и всё равно снова выбрал молчание.

Закрытый класс.

Наследники под особым надзором.

Дети, которых боятся взрослые драконы.

Элиана пыталась вспомнить всё, что слышала в доме Рейвард об Академии. Обрывки разговоров, внезапно смолкавшие за ужином. Запечатанные письма с северной печатью. Ночные приезды закрытых экипажей. Слуги, которых переводили из дальнего крыла после того, как они случайно видели кого-то из «трудных» наследников. И ещё — глаза Ардана вчера, когда он посмотрел на чёрную печать.

Он боялся не за свою власть.

Он боялся за неё.

От этой мысли стало досадно. Не тепло, не легче — именно досадно. Бывший муж умел бросить её в зале Совета, но при этом хотел защитить от последствий собственного поступка. Как будто сердце женщины можно было сначала разбить, а потом бережно завернуть осколки в плащ и велеть не порезаться.

Элиана сжала пальцы.

Нет. Она не станет благодарить его за поздний страх.

К закату дорога поднялась к чёрной скале, на вершине которой стояла Академия Северного Крыла.

Сначала Элиана увидела башни. Они выросли из серого камня так, будто скала сама когда-то решила стать крепостью. Узкие окна светились тусклым янтарным огнём, мосты между корпусами висели над пропастями, а крыши были острыми, покрытыми снегом и тёмной чешуйчатой черепицей. Над главными воротами расправлял крылья каменный дракон с рассечённым знаком на груди — тот самый герб, что стоял на свитке.

Академия не была похожа на место, где учат детей.

Она была похожа на место, где их прячут.

Экипаж въехал во двор через арку, и ворота сомкнулись за ним с таким глухим ударом, что Элиана невольно обернулась. Страж напротив заметил это и впервые за всю дорогу усмехнулся.

— Назад отсюда редко едут быстро, леди.

Она посмотрела на него.

— Значит, у вас будет возможность соскучиться по дороге.

Усмешка исчезла. Элиана отвернулась к окну раньше, чем он нашёл ответ.

Во дворе не было обычной академической суеты. Никто не смеялся на ступенях, не спешил с книгами, не перебегал через снег, споря о занятиях. Несколько старших учеников в тёмных форменных мантиях прошли вдоль стены, но, увидев экипаж Совета, сразу свернули в боковую галерею. Слуга, нёсший корзину с бельём, замер у крыльца и поспешно опустил взгляд.

Её ждали.

И боялись заранее.

У главного входа стояла сухая высокая женщина в сером платье с узким воротом. Волосы у неё были собраны так туго, что лицо казалось ещё строже, а на груди блестел знак Академии — маленькое чёрное крыло на серебряной цепи.

— Леди Элиана Верн? — спросила она, когда Элиана вышла из экипажа.

— Да.

— Госпожа Ильда Морн, управляющая внутренним распорядком Академии. Ваше прибытие зарегистрировано. Совет прислал уведомление.

Голос у неё был ровный и выхолощенный. Не грубый, но лишённый всякого желания согреть хотя бы одним словом.

— Меня должны были ждать только к закату, — сказала Элиана.

— Вы прибыли за девять минут до истечения срока.

— Приятно узнать, что хотя бы это я сделала правильно.

Госпожа Морн не улыбнулась. Её взгляд скользнул по дорожному платью Элианы, по сумке, по свитку в руке, и на мгновение задержался на месте, где ещё вчера было кольцо рода Рейвард.

— В Академии ценится точность, не остроумие.

— А в закрытом классе, насколько я понимаю, не ценится ни то ни другое.

Управляющая подняла глаза. Впервые в её строгом лице появилась живая тень — не одобрение, скорее предупреждение.

— О закрытом классе лучше говорить внутри стен, леди Верн. И желательно не громко.

Элиана посмотрела на пустой двор.

— Потому что дети услышат?

— Потому что услышат взрослые.

Ответ был неожиданным. Элиана хотела спросить больше, но госпожа Морн уже повернулась к стражам:

— Сундуки в восточную комнату для преподавателей. Свиток назначения передать в канцелярию.

— Свиток останется у меня, — сказала Элиана.

Управляющая медленно обернулась.

— Все назначения хранятся в архиве Академии.

— Моё назначение пока что единственное, что доказывает: я здесь не самозванка и не пленница.

— Вы не пленница.

Элиана посмотрела на закрытые ворота.

— Тогда приятно будет когда-нибудь увидеть, как они открываются по просьбе, а не по распоряжению Совета.

На этот раз госпожа Морн молчала дольше. Потом коротко кивнула, будто решила не тратить силы на спор, который всё равно не изменит положения.

— Следуйте за мной.

Внутри Академия оказалась ещё холоднее, чем снаружи. Не от температуры — в коридорах горели широкие каминные, ковры заглушали шаги, а на стенах висели тяжёлые гобелены с изображением драконов в человеческом обличье. Холод шёл от порядка. От запёртых дверей. От тишины, слишком плотной для места, где должны были жить и учиться наследники великих родов.

Элиана шла за управляющей по длинной галерее и чувствовала, как на неё смотрят. Из приоткрытых дверей. Из-за поворотов. С верхней лестницы. Здесь все знали, кто она. Бывшая жена ректора. Женщина без дара. Назначенная в закрытый класс то ли по ошибке, то ли в наказание.

На втором этаже они миновали широкие двойные двери с золотой табличкой: «Ректор Академии Северного Крыла».

Элиана не замедлила шаг, но всё в ней невольно напряглось.

— Лорд Рейвард сейчас в Академии? — спросила она прежде, чем успела остановить себя.

Госпожа Морн не посмотрела на дверь.

— Ректор прибудет ночью.

Значит, Ардан всё же поедет следом. Или уже выехал другим путём.

— Он часто здесь бывает? — спросила Элиана.

— Достаточно часто, чтобы его боялись. Недостаточно часто, чтобы всё видеть.

Странная фраза. Слишком личная для управляющей, которая явно привыкла прятать мысли за распоряжком.

Элиана запомнила её.

Они поднялись ещё на один пролёт, потом свернули в боковое крыло. Здесь света было меньше. Окна стали уже, двери массивнее, на стенах появились не портреты ректоров и гербы родов, а защитные линии, впаянные прямо в камень. Сначала Элиана приняла их за узор, но потом заметила, что серебристые нити медленно пульсируют, как жилы под кожей.

— Закрытый класс находится здесь? — спросила она.

— Нет. Здесь начинается путь к нему.

— Путь?

— Формально класс расположен в северо-восточной башне. Практически — туда не ходят без необходимости.

— А учительница, очевидно, считается необходимостью?

— Временно, — сказала госпожа Морн.

Элиана не стала уточнять, как часто временные люди задерживались в Академии. Она уже видела ответ в лицах слуг и в том, как управляющая не произносила лишних слов.

Они остановились перед дверью из тёмного металла. На ней не было ручки, только пять узких вертикальных отметин, похожих на следы когтей.

— Правила, леди Верн, — произнесла госпожа Морн. — Вы не входите в закрытый класс без журнала. Не поворачиваетесь к ученикам спиной дольше чем на три вдоха. Не прикасаетесь к их вещам без разрешения. Не задаёте вопросов о семьях, если они сами не заговорят. Не обещаете того, что не можете исполнить. Не кричите. Не угрожаете Советом. Не называете их проклятыми.

Последнее прозвучало иначе. Жёстче.

Элиана посмотрела на управляющую внимательнее.

— А кто их так называет?

— Почти все, кто боится.

— Вы боитесь?

Госпожа Морн положила ладонь на отметины двери. Серебряные линии на стенах вспыхнули.

— Я давно работаю в Академии, леди Верн. Здесь выживают не те, кто ничего не боится, а те, кто понимает, чего именно надо бояться.

Дверь открылась.

За ней оказалась не аудитория, а ещё один коридор. Узкий, высокий, с окнами под самым потолком. В конце виднелась вторая дверь — деревянная, старая, с потемневшей табличкой.

«Закрытый класс».

Элиана шагнула вперёд, и в этот момент чёрная печать на свитке снова нагрелась через ткань перчатки.

Первый урок начнётся раньше, чем она войдёт в класс.

Она вспомнила приписку слишком поздно.

Слева от неё с тихим звоном треснуло окно.

Госпожа Морн резко обернулась, но не успела ничего сказать. По коридору прошёл сухой жаркий порыв, и журнал, который управляющая держала под мышкой, вырвался из её рук. Он взлетел, раскрылся в воздухе, страницы забились, как крылья испуганной птицы, а потом вспыхнули по краям синим огнём.

Элиана не подумала. Просто схватила журнал за переплёт и ударила им о каменный пол, сбивая пламя плащом. Ткань мгновенно почернела по краю, но огонь погас, оставив на страницах длинные обугленные следы.

Из-за двери донёсся смех.

Не взрослый. Мальчишеский. Острый, злой, нарочито ленивый.

— Новая не побежала, — сказал кто-то. — Скучно.

Госпожа Морн побледнела не от огня, а от самой фразы.

Элиана подняла журнал. Несколько фамилий на первой странице ещё можно было разобрать, но верхний угол исчез. Пять строк. Пять учеников. Возраст, род, уровень допуска, отметки о наблюдении. Слишком мало, чтобы понять хоть что-то, и достаточно, чтобы стало ясно: детей здесь описывали не как учеников, а как опасные явления, которым временно разрешено сидеть за партами.

— Они уже знают, что я пришла, — сказала Элиана.

— Они всегда знают, — ответила госпожа Морн.

— Тогда какой смысл стоять в коридоре?

Управляющая хотела что-то возразить, но Элиана уже подошла к двери. Она не чувствовала уверенности. Не было ни дара, ни силы, ни даже права на ошибку. Только выжженная пустота после вчерашнего дня и странная злость на всех взрослых, которые так долго боялись детей, что сделали страх частью школьного расписания.

Она открыла дверь.

Аудитория оказалась большой, но от этого не стала светлее. Узкие окна были затянуты инеем, от камина у дальней стены шёл слабый золотистый свет, а парты стояли не рядами, а полукругом, словно кто-то когда-то пытался устроить здесь не урок, а допрос. На стенах висели карты драконьих земель, схемы родовых линий и несколько пустых рам, из которых портреты либо сняли, либо они сами не пожелали здесь оставаться.

Пять учеников были на местах.

Первым Элиана заметила мальчика у окна. Лет пятнадцати, может, шестнадцати. Чёрные волосы, слишком спокойное лицо, прямой взгляд. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и лениво вертел между пальцами обугленный угол страницы. Синие искры пробегали по его коже и тут же исчезали.

Значит, это он поджёт журнал.

За соседней партой сидели близнецы — мальчик и девочка лет двенадцати. Они были так похожи, что первое мгновение казались отражениями друг друга: одинаковые светло-русые волосы, одинаковые тонкие лица, одинаковый настороженный прищур. Только у девочки на правой щеке виднелся маленький шрам в форме полумесяца, а у мальчика рука была перевязана чёрной лентой не как повязкой, а как знаком принадлежности. Когда Элиана вошла, они одновременно повернули головы, и от этого синхронного движения по спине пробежал неприятный холод.

Третья девочка сидела отдельно. Очень тихая, почти прозрачная, в сером платье без украшений. Её тёмные волосы закрывали половину лица, пальцы лежали на парте неподвижно, а взгляд был опущен. Но именно вокруг неё воздух дрожал сильнее всего. Элиана услышала тонкий звон и поняла, что трещина на окне в коридоре была не единственной. В аудитории все стёкла покрывали тонкие серебристые линии, будто кто-то изнутри пытался расколоть их молчанием.

Последний ученик был младше всех. Не больше десяти. Он сидел у самого камина, обняв руками школьную сумку. Рыжеватые волосы торчали в разные стороны, лицо было бледным, глаза — огромными и настороженными. Он не смеялся и не пытался пугать. Он просто смотрел на Элиану так, будто ждал, когда она первой скажет слово, после которого придётся защищаться.

Пять детей.

Пять наследников.

Пять причин, по которым взрослые предпочитали запира́ть двери на металл.

Элиана вошла и закрыла дверь за собой. Госпожа Морн осталась в коридоре. Это решение было настолько очевидно трусливым, что Элиана почти не удивилась.

— Добрый вечер, — сказала она.

Мальчик у окна улыбнулся.

— У нас обычно не добрый.

— Значит, начнём с необычного.

Он хмыкнул и бросил обугленный клочок на парту.

— Вы долго думали над этой фразой в экипаже, леди Верн? Или бывшим жёнам драконов выдают их вместе с разводным свитком?

Близнецы тихо засмеялись. Мальчик у камина ещё сильнее прижал сумку к груди. Девочка с тёмными волосами не подняла головы, но трещины на ближайшем окне стали глубже.

Элиана медленно положила повреждённый журнал на преподавательский стол. На обложке всё ещё тлела крошечная синяя искра. Она накрыла её ладонью через перчатку и дождалась, пока та погаснет.

— Моё семейное положение, — сказала она, — не входит в расписание урока.

— У нас нет расписания, — произнёс мальчик у окна. — Учителя редко задерживаются настолько, чтобы оно пригодилось.

— Как вас зовут?

— А в журнале не написано?

— Часть журнала вы сожгли.

Он расплылся в улыбке.

— Какая жалость.

Элиана посмотрела на него без раздражения. Она прекрасно понимала, чего он ждёт. Крика. Угрозы. Вызова стражи. Попытки доказать, кто здесь старший. Наверное, все прежние учителя начинали именно так, а потом удивлялись, почему класс превращался в поле боя.

— Тогда начнём без журнала, — сказала она. — Я Элиана Верн. Сегодня меня назначили вашей учительницей.

— Временно, — уточнила девочка-близнец.

Голос у неё был мягкий, но в этой мягкости прятался острый крючок.

— Возможно, — согласилась Элиана.

— Значит, вы уже почти ушли, — сказал её брат. — Просто ещё не поняли.

— Возможно, — снова сказала Элиана.

Близнецы переглянулись. Им явно не понравилось, что она не спорит.

Мальчик у окна поднялся. Медленно, нарочито небрежно. Он был высоким для своих лет и держался так, будто аудитория принадлежала ему, а все остальные просто терпели его разрешение находиться рядом.

— Я Кай Ровен, наследник восточной огненной линии, третий в праве на крыло и первый в списке тех, кого нельзя выпускать из этой милой комнаты без трёх подписей. Хотите, я сразу расскажу, что со мной не так, чтобы вы не мучились?

— Нет.

Он моргнул.

— Нет?

— Если вы захотите рассказать о себе, я выслушаю. Если хотите произвести впечатление, придётся выбрать что-то менее предсказуемое, чем испорченный журнал и грубость.

В классе стало тише.

Кай перестал улыбаться. Не полностью, но его взгляд изменился. В нём появилось внимание.

— Смело для женщины без дара.

— Очень удобно, что все вокруг не устают напоминать мне об этом. Так я точно не забуду.

Мальчик у камина вдруг издал короткий звук, похожий на подавленный смешок, и тут же испуганно замер. Кай повернул к нему голову, но Элиана опередила:

— А вас?

Младший ученик посмотрел на неё, потом на Кая, потом снова на неё.

— Терэн, — сказал он так тихо, что имя почти потерялось в потрескивании камина.

— Рада знакомству, Терэн.

— Не радуйтесь заранее, — сказала девочка-близнец. — Он иногда пугается, и тогда стены начинают шевелиться.

Терэн втянул голову в плечи.

Элиана повернулась к близнецам.

— А вы?

— Лир, — сказал мальчик.

— Лира, — сказала девочка.

— Вы всегда отвечаете за других?

Лира прищурилась.

— Если другие слишком слабые.

— Или если вам страшно, что без вас они скажут что-то лишнее.

Лир резко выпрямился, и чёрная лента на его руке шевельнулась, будто живая. В камине огонь наклонился в сторону класса. Терэн тихо охнул.

Элиана не отступила, хотя тело очень хотело сделать именно это. Вместо этого она медленно сняла испорченный плащ и повесила его на спинку стула. Так же спокойно, как сняла бы его в обычной учебной комнате, где ученики не проверяют новую учительницу на прочность с первой минуты.

— Я не пришла выяснять, кто из вас опаснее. Уверена, взрослые уже посвятили этому достаточно времени.

Тёмноволосая девочка впервые подняла глаза.

Они оказались серыми, почти бесцветными, но в них было столько усталости, что Элиана на мгновение забыла о трещинах в стёклах. Ребёнок не должен был смотреть так, будто давно понял все взрослые ошибки и больше не ждёт, что кто-то исправится.

— А вы зачем пришли? — спросила девочка.

Голос у неё был тихий. Но от этого тишина в классе стала глубже.

— Пока что — потому что меня назначили.

Кай усмехнулся.

— Честно.

— А останусь или нет, будет зависеть не только от Совета.

— От вас? — спросила Лира.

— И от вас тоже.

Близнецы снова переглянулись, но теперь уже без насмешки.

Элиана открыла журнал на уцелевшей странице. Часть имён можно было разобрать. Кай Ровен. Лир и Лира Астрен. Терэн Вейл. Пятая строка пострадала сильнее всего, но первые буквы сохранились: Мира...

— Мира? — спросила Элиана, глядя на тёмноволосую девочку.

Та едва заметно кивнула.

— Полное имя я скажу, когда пойму, что вы не передадите его им.

— Кому?

Мира посмотрела на дверь.

И в этот момент Элиана поняла: дети боятся не только Совета. Не только своих семей. В Академии был кто-то ещё. Или что-то ещё. То, чему они не доверяли даже свои имена.

— Хорошо, — сказала Элиана. — Сегодня достаточно Мира.

— Вы не будете требовать? — настороженно спросил Лир.

— Нет.

— Потому что боитесь? — Кай снова сел на край парты.

— Потому что имя, сказанное силой, не становится знакомством.

В классе опять стало тихо. Странная это была тишина — не спокойная, а ощупывающая. Дети словно пытались понять, где у неё спрятан подвох.

Элиана обошла стол и взяла мел. Доска за её спиной была исписана старыми следами: формулы, чужие подписи, грубые насмешки, перечёркнутые слова. В самом углу кто-то процарапал так глубоко, что мел уже не закрывал: «Мы не ошибка».

Элиана увидела и не стала стирать.

Она написала сверху крупно:

«Первый урок».

Кай фыркнул.

— Сейчас вы расскажете, что мы должны уважать преподавателя?

— Нет.

— Что каждый ребёнок может стать лучше, если постарается?

— Тоже нет.

— Что вы не такая, как остальные?

Элиана положила мел на край доски и повернулась к ним.

— Нет. Я расскажу, что не знаю, как вас учить.

У Терэна округлились глаза. Лира откинулась на спинку стула. Даже Кай не сразу нашёлся с ответом.

— Тогда зачем вы здесь? — спросил он наконец.

— Чтобы узнать.

— На нас?

— С вами.

Мира медленно провела пальцем по трещине на парте. Трещина сразу стала длиннее, но дерево не раскололось.

— Так не бывает, — сказала она.

— Значит, проверим.

Кай смотрел на Элиану уже без улыбки. Его синие искры исчезли, но воздух вокруг него оставался напряжённым, готовым вспыхнуть от любого неверного слова.

— Все так говорят в первый день, — произнёс он. — Потом кто-то плачет. Кто-то зовёт стражу. Кто-то пишет отчёт ректору. Одна наставница пыталась заставить нас поклясться на родовых гербах, что мы будем вести себя прилично.

— И что случилось?

— Гербы не выдержали.

Лира хихикнула, но веселья в этом звуке почти не было.

Элиана посмотрела на стены. Карты, линии, пустые рамки. И вдруг заметила то, что ускользнуло в первые минуты: над доской висел большой герб, закрытый тёмной тканью. От сквозняка ткань едва заметно шевелилась, и из-под нижнего края выглядывал серебряный коготь на синем поле.

Сердце неприятно толкнулось.

Она знала этот герб.

Разумеется, знала. Семь лет видела его на письмах, воротах, столовом серебре, кольце, которое вчера оставила на родовой книге. Коготь северного дракона над ледяной звездой.

Рейвард.

В классе закрытых наследников висел герб её бывшего мужа.

Элиана заставила себя не смотреть слишком долго. Поздно. Кай всё заметил. Он поднялся и медленно стянул ткань с герба.

Синий щит вспыхнул в свете камина.

— Красивый, правда? — спросил он. — Нам велели не снимать. Говорят, ректор должен видеть даже тех, на кого не смотрит.

Элиана почувствовала, как пальцы сами сжимаются в кулаки.

— Лорд Рейвард основал этот класс?

— Не основал, — сказала Мира. — Закрыв.

Слово упало тихо, но ударило сильнее, чем если бы Кай снова поджёг журнал.

— Что значит закрыл? — спросила Элиана.

Лир резко посмотрел на Миру.

— Не говори.

— Почему? — Мира не отвела взгляда от Элианы. — Она всё равно узнает. Все узнают слишком поздно.

Кай спрыгнул с парты и подошёл ближе. Не угрожающе, но так, чтобы между ним и Элианой осталось меньше трёх шагов. Теперь она видела, что он ещё подросток. Опасный, гордый, злой — но подросток, который слишком рано выучил, что если первым не укусишь, тебя поставят на цепь.

— Леди Верн, — сказал он, и в этот раз в его голосе не было насмешливой лени, — вы правда не знаете, куда вас прислали?

— Знаю меньше, чем мне следовало бы.

— А он вам не сказал?

Не нужно было уточнять, кто «он».

Элиана ответила не сразу. В классе ждали её реакции так пристально, что любая ложь прозвучала бы громче крика.

— Нет, — сказала она. — Лорд Рейвард почти ничего мне не сказал.

Кай усмехнулся, но как-то горько.

— Значит, это вы та женщина, которую лорд Ардан предал.

Стёкла в окнах дрогнули. Лира перестала улыбаться. Терэн зажмурился, будто ждал удара. Мира смотрела на Элиану так, словно от следующего ответа зависело больше, чем первая встреча с новой учительницей.

Элиана могла бы возмутиться. Могла бы сказать, что это не их дело. Могла бы отрезать, что ученики не имеют права обсуждать её личную жизнь. Так было бы правильно, достойно, безопасно.

Но она устала от правильных слов, за которыми прятали трусость.

— Да, — сказала она ровно. — Похоже, это я.

Кай моргнул.

Он ожидал чего угодно, только не согласия.

Элиана подошла к первой парте и села на край стула, не на преподавательское место, а ближе к ним. Не слишком близко, чтобы не показалось, будто она пытается приручить их одним жестом. Но достаточно близко, чтобы перестать говорить с высоты.

— Вчера меня развели с мужем перед Советом. Сегодня отправили к вам. Если это должно было стать наказанием, то Совет ошибся в одном.

— В чём? — спросил Терэн совсем тихо.

Элиана посмотрела на него.

— Я слишком зла, чтобы испугаться вовремя.

На этот раз первым засмеялся не Кай. Сначала фыркнул Лир, потом Лира закрыла рот ладонью, а Терэн неуверенно улыбнулся, будто сам испугался собственной улыбки. Даже у Миры уголок губ дрогнул.

Кай смотрел на Элиану дольше всех. Потом медленно вернулся к своей парте и сел.

— Хорошо, леди Верн. Первый урок вы пережили.

— Не обольщайтесь, Кай. Судя по журналу, урок только начался.

— Тогда что будете делать?

Элиана поднялась и снова взяла мел. Она не знала, что должна преподавать закрытому классу драконьих наследников. Не знала их сил, страхов, запретов и настоящих правил этой Академии. Но зато она хорошо знала, как выглядит комната, где все ждут приговора. Вчера она сама стояла в такой комнате.

На доске под словами «Первый урок» она написала:

«Что взрослые о нас решили».

Потом ниже:

«Что мы решим сами».

Кай нахмурился.

— Это глупость.

— Возможно.

— Совет уже всё решил.

— Совет много чего решает. Не всё оказывается правдой.

Мира медленно подняла голову.

— А если правда хуже, чем они говорят?

Элиана обернулась к ней.

— Тогда начнём с того, что назовём её сами. Без их слов.

Она раздала уцелевшие листы из конца журнала. Не задания, не формулы, не проверку дара. Просто чистые страницы.

— Напишите по одному предложению, — сказала она. — Не имя рода. Не уровень силы. Не то, как вас называют в отчётах. Одно предложение о себе, которое вы считаете правдой.

— А если я напишу, что хочу, чтобы вы ушли? — спросил Кай.

— Значит, у нас уже будет честное начало.

— А если я ничего не напишу? — спросила Мира.

— Значит, сегодня это тоже будет ответом.

Лир поднял лист к свету.

— Вы странная.

— За последние сутки это самый мягкий отзыв обо мне.

Они начали писать не сразу. Сначала проверяли её молчание, как проверяют лёд перед первым шагом. Кай долго вертел мелкий обломок пера, Лира что-то шептала брату, Терэн смотрел на пустой лист с таким ужасом, будто тот мог потребовать от него невозможного. Мира вообще не двигалась.

Элиана не торопила.

За дверью кто-то прошёл. Шаги остановились у класса, но не вошли. Элиана почувствовала взгляд сквозь дерево и поняла: их слушают. Может быть, госпожа Морн. Может быть, кто-то другой.

Она не подала вида.

Первым лист принёс Терэн. Он подошёл к столу почти на цыпочках, положил бумагу и хотел сразу отступить, но Элиана мягко сказала:

— Спасибо.

Он посмотрел на неё так, будто это слово было непривычным. Потом поспешил обратно к камину.

На листе неровным почерком было написано:

«Я не хотел, чтобы стена упала».

Элиана не стала спрашивать, какая стена. Не сейчас.

Лир и Лира принесли один лист на двоих. На нём стояло:

«Мы не по отдельности».

Кай бросил свой лист последним. Бумага скользнула по столу и остановилась у самого края.

«Я не жалею».

Элиана прочитала и подняла глаза. Кай смотрел вызывающе, но пальцы на парте были сцеплены слишком крепко.

Мира так и не встала.

— Я не буду писать, — сказала она.

— Хорошо.

— Вы даже не спросите почему?

— Нет.

Мира нахмурилась, словно этот отказ от давления раздражал сильнее требования. Потом вдруг взяла свой лист, медленно разорвала его пополам и положила одну половину на край парты.

— Тогда это вам.

Элиана подошла и взяла обрывок. На нём не было слов. Только тонкая линия, похожая на трещину в стекле. Но стоило ей коснуться бумаги, как в голове на мгновение прозвучал чужой шёпот.

Не ректор закрыл класс.

Его заставили.

Элиана вздрогнула, но удержалась. Мира опустила глаза. Стёкла вокруг перестали дрожать.

— Спасибо, — сказала Элиана так же спокойно, как Терэну.

Дверь резко открылась.

На пороге стояла госпожа Морн, но смотрела она не на детей. За её плечом виднелись двое мужчин в тёмной форме Академии. Один держал в руках новую папку с печатями, второй — связку серебряных ключей. Оба выглядели так, словно вошли в клетку и старались не показывать, что боятся её обитателей.

— Урок окончен, — сказала управляющая. — Леди Верн, вас ждут в канцелярии для подписания правил допуска.

— Урок окончится, когда я его закончу, — ответила Элиана.

В классе стало так тихо, что слышно было, как в камине осыпается пепел.

Госпожа Морн побледнела.

— Здесь так не принято.

— Понимаю. Поэтому начнём менять с малого.

Кай медленно улыбнулся. Не добро, не дружелюбно, но с явным интересом.

Один из мужчин в форме шагнул вперёд.

— Леди Верн, закрытый класс не оставляют без фиксации состояния после каждого занятия.

— Тогда зафиксируйте: пять учеников присутствовали, журнал частично повреждён до начала занятия, стёкла требуют внимания мастера, открытого нападения не было, преподаватель жива, ученики тоже. Для первого дня, кажется, неплохой итог.

Лира приснула. Лир толкнул её локтем, но сам отвернулся к окну, пряча улыбку. Терэн смотрел на Элиану уже не так испуганно. Мира — слишком внимательно.

Госпожа Морн прикрыла глаза на короткое мгновение.

— Леди Верн, вы не понимаете последствий.

— Мне часто говорят это с тех пор, как начали решать мою жизнь без меня.

Она взяла повреждённый журнал, вложила в него листы учеников и закрыла обложку.

— На сегодня достаточно. Завтра мы начнём с того, что каждый сам выберет место в классе. Не по уровню допуска. Не по степени опасности. Просто место.

Кай поднял бровь.

— А если я выберу ваш стол?

— Тогда вам придётся вести урок.

— Я могу.

— Не сомневаюсь. Но сначала научитесь не сжигать учебные принадлежности, когда хотите произвести впечатление.

Он хотел ответить, но не успел.

Над доской вдруг вспыхнул герб Рейвардов.

Синий щит озарился изнутри, серебряный коготь потемнел, а ледяная звезда внизу раскололась тонкой линией. Дети разом замерли. Даже Кай побледнел.

— Это не я, — быстро сказал он.

Мира поднялась так резко, что стул отъехал назад.

— Он вошёл в Академию.

Элиана почувствовала, как холод проходит по позвоночнику.

— Кто?

Ответила не Мира.

За спиной госпожи Морн, в коридоре, прозвучали тяжёлые шаги. Люди в форме тут же отступили к стенам. Управляющая опустила голову, будто сама не желала этого делать, но тело привыкло раньше воли.

Элиана обернулась.

В дальнем конце коридора стоял Ардан.

Без дорожной пыли, без следов усталости, в чёрном ректорском мундире с серебряным знаком Академии на груди. Словно он не только что прибыл следом за ней, а всегда принадлежал этим стенам, этим запёртым дверям, этому страху, который дети умели прятать лучше взрослых.

Его взгляд сразу нашёл Элиану.

Потом повреждённый журнал в её руках.

Потом детей за её спиной.

И только после этого — герб своего рода над доской.

Лицо Ардана не изменилось, но Элиана уже знала его достаточно, чтобы увидеть: он был в ярости. Не на неё одну. На весь класс. На Совет. Возможно, на самого себя.

Кай поднялся из-за парты. Медленно, с вызовом, которого в нём стало больше, чем осторожности.

— Лорд ректор, — сказал он. — Вы опоздали. Ваша бывшая жена уже начала нас учить.

Ардан не посмотрел на него. Всё ещё смотрел на Элиану.

— Выйдите, леди Верн.

Вчера она, может быть, подчинилась бы такому тону. Позавчера, неделю назад, год назад. Тело всё ещё помнило привычку слышать в его голосе приказ и подчиняться раньше, чем разум успеет возразить.

Но теперь за её спиной сидели пятеро детей, которых всю жизнь учили тому же самому — бояться голоса сильного дракона.

Элиана положила журнал на стол.

— Нет, милорд ректор. Урок ещё не окончен.

Герб Рейвардов над доской треснул второй раз.

А из глубины северной башни, там, где за стенами не должно было быть ни одного класса, ни одного ученика, ни одного живого голоса, кто-то тихо и отчётливо засмеялся.

Глава 3. Ректор, который сделал вид, что не узнал

Смех из глубины северной башни не был похож на детский.

Он прошёл по стенам тонкой дрожью, забрался в трещины окон, коснулся герба Рейвардов над доской и будто оставил на нём невидимый след. Элиана не сразу поняла, что задержала дыхание. Смех был тихим, почти ласковым, но от него в классе побледнели даже те, кто ещё несколько минут назад проверял её огнём, насмешками и страхом.

Кай первым сделал вид, что не испугался. Он вскинул подбородок и медленно перевёл взгляд на Ардана.

— Слышите, лорд ректор? — сказал он. — Башня тоже рада вашему возвращению.

Лира вцепилась пальцами в край парты. Лир наклонился к ней так, будто закрывал собой, хотя был всего на несколько мгновений старше, если вообще был старше. Терэн сидел совершенно неподвижно, прижимая сумку к груди, и смотрел в угол между шкафом и стеной, словно там уже кто-то стоял. Мира не двигалась, но вокруг неё воздух стал таким напряжённым, что стекло ближайшего окна покрылось новой тонкой трещиной.

Ардан шагнул в класс.

Не быстро. Не резко. Ему не нужно было спешить, чтобы все отступили. Люди в форме за его спиной уже жались к стенам. Госпожа Морн опустила глаза. Даже серебряные линии защиты на камне вспыхнули ровнее, будто узнавали в нём хозяина.

Элиана осталась у преподавательского стола.

Она почувствовала почти забытое желание сделать шаг назад. Не из страха перед ним, нет. Тело помнило другое: привычку уступать, когда Ардан входил в комнату с таким лицом. Привычку считывать его молчание, предупреждать его гнев, сглаживать острые углы до того, как они ранят кого-то важного.

Только теперь важными были не советники и не гостиные рода Рейвард.

Теперь за её спиной сидели пятеро детей, которых уже слишком долго учили, что взрослый дракон всегда прав, если говорит достаточно холодно.

— Урок окончен, — произнёс Ардан.

Он не повысил голос, но в классе сразу стало теснее. Слова словно опустили на плечи невидимую тяжесть.

Элиана положила ладонь на повреждённый журнал.

— Я сказала, что ещё нет.

Его взгляд задержался на её руке, потом поднялся к лицу. В этом взгляде не было того мужчины, который стоял вчера в коридоре и просил её уехать из столицы. Перед ней был ректор Академии Северного Крыла. Чужой, строгий, официальный. И, что было больнее всего, прекрасно умеющий делать вид, что они едва знакомы.

— Леди Верн, — сказал он.

Она почти не дрогнула, но внутри что-то всё равно болезненно отозвалось. Ещё вчера он мог произнести её имя так, что воспоминания сами тянулись к нему. Сегодня в его голосе не осталось ничего личного. Только должность, порядок и стена, которую он снова выстроил на глазах у всех.

— В закрытом классе занятия прекращаются по распоряжению ректора, — продолжил он. — Особенно если нарушается защита северной башни.

— Защиту нарушил не мой урок.

— Ваш урок стал причиной отклика.

— Или чей-то приход.

В классе кто-то тихо втянул воздух. Госпожа Морн чуть заметно повернула голову к Элиане, будто хотела предупредить, что так с ректором не говорят. Но было уже поздно. Элиана сказала.

Ардан медленно посмотрел на герб над доской. Трещина в ледяной звезде стала шире. В синем щите застрял тусклый отблеск, похожий на замёрзший огонь.

— Кай, — произнёс он, не оборачиваясь к мальчику. — Кто трогал герб?

— Никто.

— Я не спрашивал, кто из вас считает себя остроумным.

Кай усмехнулся, но Элиана заметила, как его пальцы дрогнули.

— Никто не трогал герб, лорд ректор. Он сам решил выразить мнение.

Ардан наконец посмотрел на него.

От этого взгляда воздух вокруг Кая словно потемнел. Мальчик выдержал несколько секунд, потом всё же отвёл глаза. Не испуганно — зло. Но отвёл.

Элиане это не понравилось. Ей не понравилось, как быстро сильный подросток, который только что пытался управлять всем классом, оказался всего лишь мальчиком перед взрослым драконом. Ей не понравилось, что Ардан даже не сделал ничего явного. Просто посмотрел, и дети вспомнили своё место.

— Если вы хотите узнать, что произошло, — сказала Элиана, — спросите всех, а не только того, кого удобнее обвинить.

Ардан повернулся к ней.

— Вы не знаете их.

— Именно поэтому спрашиваю, а не выношу приговор.

В его глазах мелькнуло предупреждение. Вчера оно бы задело за старую боль, сегодня — только укрепило злость.

— Леди Верн, выйдите в коридор.

— При учениках?

— Да.

— Чтобы они сразу усвоили, что их новая учительница выходит по первому приказу?

У Миры дрогнули ресницы. Лира, кажется, перестала дышать. Кай посмотрел на Элиану уже совсем иначе — без насмешки, с настороженным вниманием.

Ардан выдержал паузу. Он был слишком опытен, чтобы спорить при детях дольше необходимого, и слишком горд, чтобы уступить явно. На его лице не отражалось ничего, но Элиана знала: она поставила его в неудобное положение. Если он сейчас заставит её выйти силой, класс увидит не порядок, а расправу. Если уступит, увидит трещину в власти ректора.

После короткого молчания он сделал выбор, который давался ему лучше всего: превратил личное в официальное.

— Ученики закрытого класса, занятие прекращено в связи с нарушением северного контура. До утренней проверки вы остаётесь в своих комнатах. Госпожа Морн, обеспечьте сопровождение. Леди Верн, как назначенный преподаватель, вы присутствуете при выводе класса и сдаёте журнал лично мне.

При других обстоятельствах Элиана, возможно, оценила бы тонкость: он не заставил её выйти. Он включил её в распоряжение так, будто это не уступка, а часть порядка.

Но благодарить за красиво оформленную клетку она больше не собиралась.

— Ученики, — сказала она, прежде чем госпожа Морн успела шагнуть в класс. — Завтра мы продолжим с того, на чём остановились.

— Если вы останетесь, — тихо сказала Лира.

— Я сказала: завтра.

Лир посмотрел на сестру, потом на Элиану. Терэн поднялся последним, всё ещё прижимая сумку. Проходя мимо стола, он на мгновение задержался, будто хотел что-то сказать, но рядом уже возник один из мужчин в форме, и мальчик сразу замкнулся.

Кай остановился в дверях.

— Леди Верн.

— Да?

— Не стойте слишком близко к гербу, когда он трещит в третий раз.

— Почему?

Кай улыбнулся, но теперь в улыбке не было игры.

— Потому что третьего раза обычно не бывает. После него что-нибудь падает.

Он вышел, не дожидаясь ответа.

Мира задержалась у порога дольше всех. Она не смотрела на Ардана. Не смотрела на госпожу Морн. Только на Элиану.

«Не при всех», — прозвучало в голове Элианы так тихо, что она едва не приняла это за собственную мысль.

Девочка опустила глаза и вышла.

Дверь закрылась.

В классе остались Элиана, Ардан, госпожа Морн и двое сотрудников Академии. Смех из башни больше не повторялся, но после него тишина казалась не тишиной, а ожиданием.

Ардан подошёл к гербу. Поднял руку, не касаясь, и провёл пальцами в воздухе вдоль трещины. Серебряный знак на его мундире ответил слабым холодным сиянием. Линия на щите чуть потемнела, но не исчезла.

Элиана смотрела на его ладонь и против воли вспоминала, как эти пальцы когда-то застёгивали ей браслет перед первым зимним приёмом. Тогда он тоже был сосредоточен, строг, почти сердит на застёжку, которая не желала подчиняться. А потом вдруг наклонился и поцеловал её запястье, так легко, что она улыбалась весь вечер.

Память оказалась жестокой. Она вытащила тепло туда, где от него остался только пепел.

— Все свободны, — сказал Ардан, не оборачиваясь.

Госпожа Морн колебалась лишь мгновение. Потом поклонилась и вывела сотрудников. Дверь закрылась мягко, но защёлка щёлкнула слишком громко.

Элиана осталась на месте.

— Если собираетесь снова сказать, что мне здесь не место, — произнесла она, — можете не тратить время.

Ардан медленно опустил руку.

— Вам здесь не место.

Она почти улыбнулась.

— Благодарю за бережное отношение к моему времени.

Он повернулся. Наедине его маска не исчезла, но стала тоньше. Под ней было слишком много сдержанного: злости, тревоги, усталости. Возможно, вины. Элиана не хотела искать в нём вину. Вчера она уже искала и нашла только молчание.

— Вы не понимаете, что только что сделали, — сказал он.

— Я провела урок.

— Вы дали им повод считать, что правила можно оспаривать.

— Ужасно. Дети могут узнать, что взрослые не всегда правы.

— Это не обычные дети.

— Я уже заметила. Обычных детей не запирают за двумя дверями и не описывают в журналах так, будто они трещины в стенах.

Ардан резко посмотрел на повреждённый журнал.

— Кто сжёг?

— Кай.

— Он должен был быть зафиксирован.

— Он и так зафиксирован во всех ваших папках. Едва ли ещё одна запись научит его чему-то новому.

— Это не наказание, Элиана.

Имя сорвалось с его губ слишком быстро. Не «леди Верн». Не официально. В классе от этого вдруг стало тесно по-другому.

Она заставила себя не отступить.

— Тогда что?

Ардан провёл рукой по лицу, и это движение неожиданно сделало его живым. Не ректором. Не главой рода. Мужчиной, который не спал, возможно, с той же ночи, что и она.

— Контроль. Любое нарушение записывается, потому что потом по этим записям Совет решает, допустить ли их к зимнему испытанию.

— Какому испытанию?

Он замолчал.

Элиана тихо усмехнулась.

— Вот как. Мы снова подошли к месту, где мне нельзя знать правду.

— Вам нельзя вмешиваться в родовые дела драконов.

— Вы вчера сами подписали документ, по которому я должна учить драконьих наследников.

— Я не подписывал ваше назначение.

— На свитке стояла ваша подпись.

— На свитке стояла ректорская подпись, поставленная заранее на пустых распоряжениях для экстренных решений Совета.

Это было первое настоящее объяснение с тех пор, как всё началось. Короткое, злое, неполное, но объяснение.

Элиана почувствовала, как внутри дрогнуло что-то опасное. Не доверие. Ни в коем случае не доверие. Просто прежняя привычка искать в нём причины, которые могли бы смягчить боль.

Она тут же задавила её.

— Удобная система. Совет вписывает судьбу человека, а ректор потом говорит, что не знал.

Ардан выдержал удар. Только взгляд стал темнее.

— Да. Удобная. Именно поэтому я хотел, чтобы вы уехали из столицы до того, как они воспользуются этим правом.

— Но не настолько хотел, чтобы сказать мне правду.

— Если бы я сказал, за вами бы следили ещё плотнее.

— Как заботливо. Вы снова решили, что моё неведение безопаснее моего выбора.

Он сделал шаг к ней. Она не отступила, хотя расстояние между ними стало слишком личным для пустого класса, где на стене всё ещё висел треснувший герб их прошлого.

— Вы думаете, я не понимаю, как это выглядит? — спросил он низко.

— Думаю, вы слишком привыкли, что ваши причины важнее чужой боли.

Его лицо напряглось.

На миг Элиане показалось, что он ответит не как ректор. Что скажет что-то настоящее, резкое, горькое. Что в этом классе, среди трещин и обугленного журнала, между ними наконец прорвётся всё то, что не поместилось в зал Совета.

Но Ардан снова выбрал холод.

— Закрытый класс связан с древним испытанием крови, — произнёс он. — Раз в поколение наследники с нестабильной драконьей силой проходят зимний цикл. Если до его окон-

чания они не научатся удерживать силу в пределах родового контура, Совет признаёт их угрозой для линий наследования.

Элиана почувствовала, как злость на мгновение уступает место совсем другому чувству.

— Что значит — угрозой?

— Их лишают права на крыло. На титул. На возвращение в дом. Иногда — на собственное имя в родовой книге.

Она вспомнила, как вчера синие буквы стерли слово «Рейвард» рядом с её именем. Вспомнила холод в груди, пустоту, которую оставила печать. И вдруг поняла, почему дети так смотрели на журнал.

Для неё родовая книга стала потерей после семи лет брака.

Для них это было будущее, которого их могли лишить ещё до того, как они успеют стать взрослыми.

— Они же дети, — сказала Элиана.

— Они наследники драконьих родов.

— Сначала дети.

— Для Совета — сначала наследники.

— А для вас?

Ардан не ответил сразу. Вопрос попал туда, куда она целилась.

За стеной что-то тихо скрипнуло. Не дверь. Камень. Будто северная башня снова прислушалась.

— Для меня, — сказал он наконец, — они те, кого нужно удержать живыми до конца цикла.

Слово было страшным не само по себе, а тем, как он его произнёс. Будто раньше не всегда удавалось.

Элиана посмотрела на пустые рамки на стенах. В прошлой главе она заметила, что портреты либо сняты, либо не захотели оставаться. Теперь ей стало не по себе от этой мысли.

— Что случилось с прежними учителями?

— Это не имеет отношения к вашему назначению.

— Имеет, если меня отправили на их место.

— Их отстранили.

— Всех?

— Леди Верн.

Снова официальное обращение. Как дверь, закрытая перед лицом.

Элиана медленно подошла к столу, взяла журнал и открыла его на повреждённой странице. Обугленный край осыпался на дерево тёмной пылью. Она увидела строки: «фиксация вспышки», «нарушение контура», «семейный запрос отклонён», «допуск к испытанию под вопросом». Рядом с именами детей были не оценки и не темы уроков, а отметки страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.